

стремились приблизиться к величию могущественных государей, что в их время все, чего добились выдающиеся италийские умы, прежде всего появлялось при дворе этих великих венценосцев; а так как царственным престолом была Сицилия, то и получалось, что все обнародованное нашими предшественниками на народной речи стало называться сицилийским; того же держимся и мы, и наши потомки не в силах будут это изменить. Ракб, раkb! О чем звенит теперь труба последнего Фредерика? О чем колокол второго Карла? О чем рога могущественных маркизов Иоанна и Адзо? О чем флейты других владык, кроме как – «Сюда, палачи! Сюда, лицемеры! Сюда, корыстолюбцы!»? Но лучше вернуться к начатому, чем попусту разглагольствовать. И мы уверены, что, если нам принять сицилийскую народную речь, следуя речи тамошних рядовых уроженцев, по которой, очевидно, и надо о ней судить, она ни в коей мере не достойна чести предпочтения, потому что течет довольно-таки вяло, как, например, тут:

Tragemì d'este focora, se t'este a boluntate.

Если же нам принять именно ее ради того, что она истекает из уст виднейших сицилийцев, как можно судить по вышеприведенным канционам, то она ничем не отличается от наиболее похвальной, как мы и покажем ниже. Что же до апулийцев, то они либо по собственной резкости, либо из-за соприкосновения со своими соседями – римлянами и анконцами – лопочут по-варварски; вот как они говорят: «Volzera che chiangesse lo quattrato». Но хотя уроженцы Апулии говорят вообще непристойно, некоторые выдающиеся среди них люди выражались изящно, применяя в своих канционах благородно отделанные слова, как это ясно при рассмотрении их стихов, например: «Madonna, dire vi voglio...» и «Per fino amore vo si letamente...» Поэтому отметившим сказанное выше следует заметить, что ни сицилийская, ни апулийская народная речь не оказываются прекраснейшими в Италии, так как мы показали, что тамошние мастера слова отступали от собственной своей речи.

XIII.

После этого перейдем к тосканцам, которые в своем несносном безрассудстве явно притязают на честь блистательной народной речи. И тут упорно безумствует не только простой народ, но, как нам достоверно известно, упорствуют также и очень многие именитые мужи, как, например, Гвиттоне д'Ареццо, никогда не обращающийся к правильной народной речи, Бонаджунта из Лукки, Галло из Пизы, Мино Мокато, Брунетто из Флоренции; если будет время разобрать их стихи, они окажутся не правильными, но сочиненными исключительно на городском наречии. И потому, что тосканцы больше других безумствуют в этом опьянении, представляется заслуживающим внимания и полезным развенчать одно за другим городские наречия тосканцев. Флорентийцы говорят вот такими стихами: «Manichiamo introque che noi non facciamo altro». Пизанцы: «Bene andonno li fanti De Fiorenza per Pisa». Жители Лукки: «Fo voto a Dio che in grassarra eie lo comuno de Lucca». Сиенцы: «Onche renegata avesse io Siena! Ch'ee chesto?» Аретинцы: «Vo'tu venire ovelle?» О Перудже, Витербо, да и о Читта ди Каstellо из-за их близости к римлянам и сполетанцам я совсем не намерен рассуждать. Но хотя все почти тосканцы и коснеют в своем гнусноязычии, мы знаем, что некоторые из них постигли высоту народной речи, а именно флорентийцы Гвидо, Лапо и еще один, да и Чино да Пистойя, которого мы не по недостойной причине вынуждены недостойно поставить сейчас за ними. Итак, если мы исследуем тосканские говоры и взвесим, в какой степени высокочтимые люди отклонились от своего собственного, не остается сомнений, что искомая нами народная речь не та, какой держится тосканский народ. Если же кто не сочтет возможным утверждаемое нами о тосканцах утверждать о генуэзцах, пусть примет во внимание только то, что, если бы генуэзцы утратили по забывчивости букву «z», им пришлось бы либо полностью онеметь, либо найти новый говор. Ведь «z» занимает главную часть их речи; а произношение этой буквы отличается крайней резкостью.

XIV.